

Глава 30: В опасности

Лу Жун опустил дедушку Цая на землю и быстро бросился назад, перепрыгнув через валун, подобрал разбросанную по земле одежду, быстро подняв ее задними копытами, отбросил зонт и непромокаемые ботинки за большие деревья, спрятавшись.

Он приоткрыл один глаз, глядя туда из просвета между деревьями и камнями.

Дед Цай был ошеломлен, увидев камень в оцепенении, ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, он громко спросил: "Тут кто-нибудь есть? Кто-то только что толкнул меня?"

Лу Жун обхватил себя передними копытами, все тело оленя выпрямилось в струнку, идеально скрываясь за деревом.

Дедушка Цай внимательно оглядел камень, а затем вышел на открытую местность. Лу Жун затаил дыхание, тихо сменяя позицию, он был отделен от дедушки Цая большим деревом.

Не в силах понять, что только что произошло, дед Цай перестал стоять на месте и снова пошел к дому старушки Ли.

Только когда его фигура исчезла в доме Ли, Лу Жун стряхнул капли дождя со своего меха, похлопал себя по краям ушей, стряхивая капли, а затем снова перевоплотился, дабы одеться.

Он прождал за валуном больше десяти минут, после того, как дедушка Цай вышел из дома Ли, вновь последовал за ним. Они вдвоем вошли в деревню, он поспешил первым свернуть на тропинке домой.

Как только Лу Жун снял свою мокрую одежду и бросил ее у кровати, дверь во внутренний двор распахнулась. Он быстро завернулся в одеяло голым, выпрямив верхнюю часть тела и выглянув наружу через стеклянное окно.

Дед Цай вошел во двор с зонтом, за ним следовали несколько человек. Лу Жун узнал, что все они были кадрами из управы, одетые в плащи с зонтиками, стояли промокшие насквозь под карнизом и разговаривали вполголоса, выражение их лиц было серьезнее, чем когда-либо прежде.

Хотя он плохо слышал, у него было предчувствие, что что-то происходит, поэтому он продолжал нервно вглядываться в лица этих людей.

Сяо Гао, казалось, тоже был немного напуган, переставая скулить, лежал на своей половине кровати, не вставая.

Через некоторое время, казалось, они получили нужное решение. Группа людей покинула двор, и дедушка Цай поспешно вошел в дом.

Он собирался позвать Лу Жуна, но, обнаружив, что тот уже проснулся, поспешно сказал: "Жун-Жун, вставай скорее, нам нужно немедленно уходить. Я пойду в деревенский комитет, чтобы сообщить остальным. Тебе следует сейчас одеться и подождать меня у восточного входа."

"Хорошо," — Лу Жун не стал много спрашивать, откинул одеяло и голым выскочил из постели.

Дедушка Цай включил фонарик, найдя ещё один, протянула ему, затем вытащила сберкнижку из недр шкафа и сунула ему в руку пачку купюр: "Положи это в свою школьную сумку, положи еще немного одежды и немедленно уходи."

"Дедушка, а как насчет тебя?" — Спросил Лу Жун.

Дед Цай сказал: "Дедушка собирается сообщить другим людям, не паникуй, дитя, снаружи дядя Чэнь и другие, следуй за ним, дедушка придет к тебе, когда он поговорит с остальными."

Сказал он, подойдя к входной двери, обернулся и сказал: "Идите дальше, идите к перевалу и ждите. На улице идет сильный дождь, поэтому, если ты не сможешь держать зонтик, придется надеть пальто."

"Хорошо," — Громко ответил Лу Жун.

После того как дедушка Цай вышел, он повесил фонарик на шею, достал из шкафа брюки с длинными рукавами и надел их. Затем он взял толстое пальто деда, сложил его в свою школьную сумку, взвалив ее на спину.

Он отодвинул картину на стене, достал спрятанный квитанцию, сложив ее, засунул в школьный рюкзак. Наконец, он подошел к двери, чтобы снять свое маленькое демисезонное пальтишко и накинуть его на себя, зашуршав.

Пока он собирал свои вещи, он услышал, как кто-то говорит в радиорубку: "Эй, эй..."

Это был голос дедушки Цая.

"Обратите внимание, послушайте, гора, возможно, вот-вот рухнет. Сейчас все срочно поднимаются на перевал, чтобы собраться, откладывать нельзя, не задерживайтесь. Те, кто все еще спит, те, кто не может пошевелиться, лежите дальше, если хотите умереть, двигайтесь быстрее, если не хотите умирать. Если вы можете загнать коров и свиней, загоняйте, если вы не можете, оставьте их в загоне. Ваша собственная жизнь ценнее, чем эти свиньи..."

В деревне уже было шумно, они, очевидно, услышали объявление дедушки Цая.

Под шум проливного дождя какие-то люди громко звали своих родственников, смешиваясь с криками свиней и коров, время от времени на оконном стекле вспыхивали огни фонариков, яркие и хаотичные.

Увидев, что вода на теле Сяо Гао еще не высохла, а шерсть слиплась вместе, Лу Жун подошел к шкафу и вытащил большой пластиковый пакет, разорвал его ножницами и завязал его на нем, как пончо.

Он надел свой рюкзак и снова оглядел дом, чувствуя, что забирать больше нечего. Он не мог передвинуть телевизор и холодильник, свинина и сливовое вино были развешаны на балках дома.

Раскрыв зонт, распахнув дверь, один человек и одна собака вышли под дождь.

На дороге уже было много сельских жителей с телефонами, большинство из них — пожилые люди с детьми и небольшими сумками на руках.

Старшие дети сонно следовали за ними, постоянно зевая и спрашивая, куда они идут. У взрослых не было времени им ответить, но когда они второпях спрашивали, их ругали: "Не шумите, идите за мной."

Дети помладше лежали на плечах взрослых, время от времени приоткрывали глаза, а затем вновь засыпали.

Молодые люди несли тяжелую ношу и вели крупный рогатый скот, загоняли свиней с помощью трости или толкали тележки с телевизорами, кастрюлями и сковородками.

На горе Лунцюань прошел оползень, который затопил загоны для скота нескольких семей, так что все поняли серьезность проблемы, услышав предупреждение старосты деревни. Никто больше не мешкал, быстро уходя из домов, они шли за пределы деревни.

Дождь лил как из ведра, и ничуть не ослабевал. Лу Жун шел в толпе, ощущая унылую атмосферу, все время оглядываясь в направлении деревенского комитета, задаваясь вопросом, последовал ли за ним дедушка.

Но даже в этот момент некоторые жизнерадостные люди все еще шутят.

"Невестка Ван, что ты делаешь со своим постельным бельем? Идет сильный дождь, от него невозможно укрыться."

"Ничего, просто взяла это с собой."

"Она зашила сберкнижку в постельное и не смогла открыть ее в спешке, поэтому просто кинула его себе на спину, ха-ха-ха..."

Команда подошла ко входу в деревню, за ее пределами раскинулось большое поле, которое теперь было заполнено водой, как озеро. К счастью, рис был собран, и люди из деревни могли остановиться на краю поля, радуясь и разговаривая.

Деревенский работник, возглавлявший команду, повернул голову и призвал: "Продолжайте идти, продолжайте идти, эй, не останавливайся, на что ты смотришь, когда зерна нет? Мы слишком близко к задней части горы, все еще небезопасно. Продолжайте идти, пока не доберетесь до перевала."

Чья-то свинья вдруг испугалась, выскочила в поле, бегая вокруг, в то время как одни кричали на нее, другие пытались догнать. При свете молнии Лу Жун увидел, что свинья оказалась черной.

Дахэй был чрезвычайно храбр, несколько человек не смогли его догнать, поэтому он спрыгнул вниз и бросился на помощь. Люди и свиньи разбрызгивали большие потоки воды по полям, словно плескались в воде, оседлав ветер.

После периода хаоса Дахэй был, наконец, пойман, все двинулись в направлении перевала.

Лу Жун шел все медленнее и медленнее, отставая в конце группы, все время оглядываясь назад.

Люди в деревне почти вышли, но он все еще не видел дедушку, его это немного беспокоило.

Сяо Гао тихо последовал за ним, капли дождя падали на его пончо, сделанное из пластикового пакета.

"Лу Жун, твой дедушка все еще эвакуирует людей, не отставай от команды, не бойся," — пришли деревенские служащие, поддерживающие порядок.

"Мм," — Ответил Лу Жун, разворачиваясь и следуя за командой.

Пройдя некоторое время, они добрались до перевала, где местность была ниже, позволяя избежать грома и молний, вокруг не было гор. Даже если бы они столкнулись с оползнями, потоки не смогли бы затопить это место.

На перевале уже стояла группа людей и рабочие из близлежащей строительной площадке, Лу

Жун огляделся по сторонам, но не увидел Шэнь Яня.

Однако он и раньше слышал, как дедушка Цай говорил, что проект дяди Шэня закончился, и он вернулся в большой город.

В большой город с Шэнь Цицизе? Лу Жун в этот момент был немного растерян.

Рабочие пришли, чтобы отвезти жителей деревни в реабилитационный центр, где не было бы опасности обрушения, но за ними последовали только несколько пожилых и немощных людей с младенцами и маленькими детьми, большинство остались на месте.

Они с тревогой смотрели на расположение своих домов, покидая их вот так просто.

Молнии и раскаты грома постепенно прекратились, но дождь нисколько не замедлился, лишь только усилился. Деревенские работники использовали пластиковую ткань, чтобы удержать навес, позволяя остальным людям забраться внутрь, спасаясь от дождя.

Это ткань очень большого размера. Обычно ее используют во время свадеб и похорон в деревне, чтобы затенять и блокировать ветер. В этот момент она очень пригодилась. На людей не только не лил дождь, но и свиньи с коровами тоже забились в угол, сбившись в кучку и дрожа.

Лу Жун стоял на краю навеса, с тревогой глядя на вход в деревню.

Рядом с ним стояла женщина средних лет с курицей на руках. Поскольку на его демисезонном пальто было несколько зернышек, цыпленок время от времени вытягивал голову, поклевывая его в плечо.

Сяо Гао оскалил зубы и угрожающе заскулил, цыпленок в испуге отпрянул в объятия женщины средних лет.

"Посмотрите на это, посмотрите на это, гора рушится, посмотрите на это," — кто-то указал на задний склон и вдруг воскликнул.

В это время небо уже было светлым, сквозь завесу дождя можно было видеть грязь и камни, скатывающиеся по воде с задней части горы, грохоча и наклоняясь вниз.

Из въезда в деревню выбежали две фигуры, обе в пальто и с зонтиками. Губы Лу Жуна зашевелились, глаза загорелись, и он не смог удержаться, чтобы не сделать два шага вперед, но когда остальные подбежали ближе, свет в его глазах снова потускнел.

"Ван Чжу, Чэн Ган, все ли люди в деревне вышли?" — Деревенские работники, которые

остались, поприветствовали его и спросили.

Лу Жун тоже сделал несколько шагов вперед и спросил: "Дядя Ван, где мой дедушка?"

Ван Чжу вытер капли дождя с лица и, тяжело дыша, произнес: "Корова семьи старика Чэнь рождает. Она не может выйти оттуда ни живой, ни мертвой. Дядя Цай все еще успокаивает ее."

"В такое время, как можно думать о теленке, важнее корова или человек?" — Деревенские работники пришли в ярость.

Ван Чжу сказал: "Но мы не могли тянуть с этим. Старик Чэнь настоял на том, чтобы остаться с коровой живым или мертвым, если бы мы потащили его, он бы подрался с нами. Дядя Цай может только остаться и продолжать уговаривать его."

"Этот упрямый старик Чэнь, скажи его сыну, чтобы он вернулся и отвез его в Гуандун, а не оставался в деревне как бич."

Как только голос затих, с заднего слона донесся глухой громкий шум, грохот сотряс всю гору Лунцюань. Все замолчали, оглядываясь, даже свиньи и коровы успокоились.

Они увидели, как большая часть скал заднего склона, смешанных с деревьями, обрушилась вниз, падая с бешеной скоростью, земля у всех под ногами задрожала.

Горы и скалы угрожающе, как серое чудовище с открытой пастью, в одно мгновение поглотил маленькую деревушку под горой.

Люди в деревне ошеломленно наблюдали за происходящим, никто не пошевелился и не издал ни звука, не говоря уже о том, чтобы заметить, как маленькая фигурка пронеслась сквозь завесу дождя, как порыв ветра...

Бывшая деревня теперь неузнаваема, все дома придавлены валунами и грязью. Мир окружен дождем, он сер и хаотичен.

По руинам прыгал белый олененок. Он был так же быстр, как падающая звезда, оставляя лишь брызги воды там, где проходил.

Лу Жун ворвался в деревню и превратился в олененка, устремившись к тому месту, где в его памяти находился дом старого Чэня. Сяо Гао быстро отстал, но также упорно следовал тем же маршрутом.

Не известно, из-за дождя ли или горящего сердце, но круглые глаза олененка были окрашены в красный цвет, а красные линии, расходящиеся по четырем копытам, горели, как цветущее

пламя.

Лу Жун быстро бросился к дому Чэнь. Маленький дворик был сровнен с землей, а красные кирпичи и обломки дерева были разбросаны в расщелинах нескольких валунов.

Он прислонил свой черный нос к щели, чтобы принюхаться, затем обошел вокруг, просунул передние копыта в щель между валунами, отчаянно вспахивая глиняные кирпичи.

В этот момент Сяо Гао тоже подбежал, тяжело дыша. Когда олененок вспахивал землю, он обнюхивал все вокруг и постоянно подергивал носом.

Лу Жун быстро расчистил землю рядом с камнями, наклонил голову и заглянул внутрь.

Внутри находился человек, пара босых ног была выставлена наружу, верхнюю часть тела было плохо видно.

"Дедушка," — сердце Лу Жуна сильно забилося, он быстро схватил его за брюки и вытащил. Его четыре копыта упали навзничь в грязь, он вытащил человека в несколько рывков.

Он перевернул человека головой вверх, кладя на спину. Увидев, как поднимается и опускается покрытая грязью грудь, он, наконец, вздохнул с облегчением и передними копытами убрал грязь с его лица.

Когда вся грязь с этого лица была убрана, копыта Лу Жуна остановились.

Это старик Чэнь, а не дедушка.

В этот момент сердцебиение Лу Жуна остановилось, а в голове у него шумело. Дождь стекал по его меху, а четыре перепачканные грязью копыта неудержимо дрожали.

Где дедушка? Этот человек не дедушка, где дедушка?

Кто-то вдалеке кричал и мчался сюда, но ни один из этих звуков не достиг его ушей, и мир, казалось, был неподвижен.

Как раз в тот момент, когда он в панике огляделся, Сяо Гао вдруг дико залаял в определенном месте.

Лу Жун что-то понял, мгновенно пришел в себя и бросился к нему со скоростью молнии. Отодвинув щенка в сторону, он опустил голову и прислонился к большому камню перед собой.

Камень был большим и тяжелым, олененок уперся в него двумя молодыми рогами, отчаянно толкая его и издавая пронзительное кряхтение.

Из-за силы шея между головой и туловищем изогнулась дугой, выбрасывая в воздух горячий белый пар. Четыре стройные ножки по очереди продвигались вперед, стабилизируя фигуру в скользкой грязи.

Сяо Гао душераздирающе визжал у основания камня, его лапы продолжали разгребать грязь под ним.

Лу Жун изо всех сил старался, и в конце концов большой камень был медленно отодвинут. Он вновь стиснул зубы, пыхтя, и большой камень с грохотом проехал полкруга, обнажая низ туловища.

Мясистая корова лежала на земле, больше не дыша, а на каменном корыте рядом с ней лежало несколько деревянных балок, расставленных в шахматном порядке, оставляя свободное пространство.

Дедушка Цай лежал в этом пространстве, прижав руки и ноги к груди. Поскольку он лежал на боку и был заблокирован камнями, его рот и нос не были покрыты грязью.

Всклипнув, Лу Жун отодвинул деревяшки и уткнулся носом в лицо дедушки Цая, чтобы принюхаться.

Хотя дед Цай закрыл глаза, он все еще дышал, его грудь мирно вздымалась.

Он снова осторожно коснулся копытами всего тела дедушки Цай, желая посмотреть, есть ли какие-нибудь повреждения. К счастью, все было нормально, когда он осматривал его.

"Дедушка Цай... Дедушка Цай... Старик Чэнь," — у входа в деревню люди спотыкались об обломки и валуны, идя в этом направлении.

Лу Жун повернул голову, чтобы посмотреть туда, затем опустился и лизнул лицо дедушки Цая, выпрыгнул и исчез глубоко в валунах.

"Здесь лежит человек." — Кто-то нашел лежащего старика Чэна: "Это старик Чэнь, все еще живой."

"Дедушка Цай здесь, дедушка Цай жив."

"Они просто без сознания. Боги открыли мне глаза. Боги открыли мне глаза."

Все отнесли деда Цая и старика Чэня обратно под навес, только чтобы увидеть, как Лу Жун бежит с поля, его пальто криво свисало с тела.

"Дитя, твой дедушка только что попал в беду, а ты бегаешь не понятно где," — деревенские служащие не могли не винить его.

Дедушка Цай проснулся уже по дороге, пока его несли. В этот момент он лежал на тележке и, искоса глядя на Лу Жуна, слегка приподнял руку.

Лу Жун не издал ни звука, но подошел вперед и взял деда Цая за руку, бледную и холодную, чтобы дважды поцеловать ее.

Дедушка Цай пошевелил губами: "Ты испугался?"

Из глаз Лу Жуна хлынули слезы: "Я был очень напуган."

"Это дедушка нехороший, он напугал своего внука," — дедушка Цай изобразил слабую улыбку на своем лице.

Лу Жун воскликнул: "Тогда ты должен это исправить, ты больше не будешь так делать."

"Хорошо, никогда больше так не буду."

После того, как люди были спасены, жителям деревни стало жаль свои дома, все они смотрели в сторону деревни и плакали, а некоторые из них даже не могли удержаться от горьких рыданий.

Это место, где их предки жили на протяжении многих поколений, и независимо от того, куда они уходили, их корни глубоко укоренились здесь.

Деревни больше нет, и корни оборвались.

"Не плачь, не плачь, дом можно восстановить, пока с людьми все в порядке." — Хотя деревенский служащий сказал это, его голос был немного сдавленным: "Мы не знаем, продолжится ли разрушение, так что давайте пойдём на строительную площадку и спрячемся, пока дождь не прекратится."

Некоторые люди хотели отправиться к руинам, чтобы взять какие-нибудь полезные вещи, но другие их отговаривали. Итак, под руководством рабочих строительной площадки все печально направились в реабилитационный центр.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326859>